

Л. Калюжная

Антон Павлович Чехов (1860–1904)

Оба деда Антона Павловича Чехова — по отцу и по матери — были крепостными крестьянами, выкупившимися на волю еще до реформы 1861. Отец писателя уже был купцом второй гильдии и владел бакалейной лавкой в Таганроге. Обанкротившись, в 1876 он бежал от долговой тюрьмы в Москву, где учились два его старших сына (в семье было шестеро детей – Александр, Николай, Антон, Иван, Мария, Михаил). Антон остался в Таганроге, чтобы закончить гимназию, а потом присоединился к семье в Москве.

Несмотря на религиозный фанатизм отца и аскетическое воспитание, Антон со школьных лет увлекался театром и литературой. Его брат Михаил вспоминал:

«А.П., будучи... гимназистом пятого класса, спал под кущей посаженного им дикого винограда и называл себя “Иовом под смоковницей”. Под ней же он писал тогда стихи...»

В Москву Антон Чехов приехал с рукописью драмы (не увидевшей света), но поступил на медицинский факультет Московского университета. Тогда же, по примеру старшего брата Александра, начал печатать в мелких юмористических журналах Москвы и Петербурга — «Стрекоза», «Будильник», «Зритель» и др. — юморески, пародии, юмористические миниатюры под псевдонимами Антоша Чехонте, Человек без селезенки и др. Существует предание о чуде (почти как у каждого писателя) его первого дебюта в печати: во время острого безденежья, чтобы отметить именины матери, Антон Павлович в один присест написал рассказ «Письмо к ученому соседу», отослал в петербургский ежемесячник «Стрекоза» и на полученный гонорар устроил семейный праздник. Вряд ли это чудо случилось бы, не будь юношеских стихов «под смоковницей». За счет литературных заработков Чехова семья главным образом и держалась на первых порах в Москве.

Скоро Чехов вырабатывает свой стиль короткого рассказа, уже выходящий за рамки чистой юмористики. В 1885 Антон Павлович побывал в Петербурге, где произошли очень важные для его творческой жизни встречи – он познакомился с Д. Григоровичем (первый, кто оценил «Бедных людей» Достоевского) и А. Сувориным. Через несколько месяцев от Григоровича, прочитавшего рассказ Чехова «Егерь», пришло письмо:

«У Вас настоящий талант — талант, выдвигающий Вас далеко из круга литераторов нового поколения».

О том, какое оно произвело впечатление на молодого писателя, говорит восторженный тон его ответа (вообще-то не свойственный Чехову):

«Ваше письмо, мой добрый, горячо любимый благовеститель, поразило меня, как молния... Как Вы приласкали мою молодость, так пусть Бог успокоит Вашу старость... у меня в Москве сотни знакомых, между ними десятка два пишущих, и я не могу припомнить ни одного, который читал бы меня или видел во мне художника».

Наряду с литературной работой Чехов ведет медицинскую практику. Служит врачом в Воскресенске (ныне Истра), в Звенигороде. Врачебная деятельность обогатила жизненный опыт писателя, обострила его наблюдательность. К началу 1890-х он опубликовал уже немало замечательных рассказов, привлекая всеобщее внимание. Его талант заметили и другие писатели старшего поколения — А. Плещеев, Н. Лесков, позднее Л. Толстой.

Зрелые его произведения – «Степь», «Огни», «Припадок», «Дуэль», «Три года», «Дом с мезонином», «Скучная история», «Скрипка Ротшильда» — отмечены глубокой психологичностью и мягким чеховским лиризмом. В таких произведениях, как «Человек в футляре» и «Палата № 6», критика тех лет увидела символику политической реакции и застоя 1880-х. Думается, меньше всего писатель ставил себе такую задачу.

Вообще Чехов как художник лишен *пафоса*. В творчестве он «убивающе» *правдив*, как врач, сообщающий пациенту о летальном исходе. Не менее правдив он и в отношении себя как писателя — вот фрагмент из его письма к А. Суворину (в ответ на упреки в отсутствии у него «большой идеи»:

«Вспомните, что писатели, которых мы называем вечными или даже просто хорошими и которые пьянят нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и вас зовут туда же, и вы чувствуете... что у них есть цель. У одних, смотря по калибру, цели ближайšie — крепостное право, освобождение родины, политика, красота или просто водка, как у Д. Давыдова; у других — цели отдаленные — Бог, загробная жизнь, счастье человечества и т. п. ...вы, кроме жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это пленяет вас. А мы? Мы! Мы пишем жизнь такую, как она есть, а дальше ни тпру, ни ну... у нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей, и в нашей душе хоть шаром покати. Политики у нас нет, в революцию мы не верим, Бога нет... Я не брошусь, как Гаршин, в пролет лестницы, но и не стану обольщать себя надеждами на лучшее будущее. Не я виноват в своей болезни, и не мне лечить себя...»

Как человек, которому не свойственны «возвышающие обманы», он избегал и категоричных обобщений. Так, к примеру, по поводу рассуждений Д. Мережковского о безвременье и «нервном веке» он писал тому же Суворину в 1891:

«Никакого нет нервного века. Как жили люди, так и теперь живут, и ничем теперешние нервы не хуже нервов Авраама, Исаака и Иакова».

По его мнению, увеличилось не число нервных болезней, а число врачей, наблюдающих эти заболевания. Можно привести и другие примеры сниженного пафоса. Один знакомый пожаловался ему: «Что мне делать! Меня рефлексия заела!» Чехов ответил: «А вы поменьше водки пейте». Иронизируя над вычурными манифестами декадентов, он говорил: «Какие они декаденты! Они здоровеннейшие мужики! Их бы в арестантские роты отдать!...»

Благодаря «трезвому взгляду врача» Чехов неожиданно и смело раскрывает традиционную для русской литературы крестьянскую тему в повестях «Мужики» и «В овраге».

Типичный чеховский персонаж — обыкновенный человек, или, как мы сегодня сказали бы, среднестатистический представитель своего сословия. Объяснение привязанности к обыденному герою можно найти в одном из писем Чехова: «Никто не хочет любить в нас обыкновенных людей». Вот эту «типичность» тонко подметил Василий Розанов:

«Хорош тот писатель, читая которого неловко, словно тебя оголили; я это чувствовал, читая Чехова».

Дочь Толстого, Татьяна Львовна, признавалась:

«В “Душечке” я так узнаю себя, что даже стыдно. Но все-таки не так стыдно, как было стыдно узнать себя в “Ариадне”».

Ко всякого рода избранничеству, мессианству Чехов относился с большой осторожностью, если не сказать — с неприязнью, что можно заметить в изображении бывшего террориста-народника из «Рассказа неизвестного человека» или зашедшегося в своих амбициях магистра Коврина из «Черного монаха».

В 1990 Чехов уже был знаменитейшим писателем России. К этому времени у него вышли сборники: «Сказки Мельпомены. Шесть рассказов А. Чехонте» (1884), «Пестрые рассказы» (1886), «В сумерках. Очерки и рассказы» (за этот сборник присуждена академическая Пушкинская премия), «Невинные речи» (оба 1887), «Рассказы» (1888), «Хмурые люди» (1890), а также поставлена его пьеса «Иванов» — сначала в московском театре Ф. Корша (1887), затем в петербургском Александринском театре (1889).

Неожиданно Чехов отправляется в поездку на остров Сахалин. «Сенсационная новость, — сообщала газета “Новости дня” в январе 1890, — А.П. Чехов предпринимает путешествие по Сибири с целью изучения быта каторжников. Прием совершенно новый у нас...» Многие не понимали цели этого трудного путешествия (к тому же Антон Павлович уже знал, что у него туберкулез) и считали это прихотью избалованного славой

писателя. Перед этим в «Русской мысли» Чехова обругали как «беспринципного писателя». Он послал издателю журнала В. Лаврову письмо (объявляя о полном разрыве их знакомства): «Беспринципным писателем, или, что одно и то же, прохвостом, я никогда не был». Возможно, и это подтолкнуло его к поездке. Чехов пробыл на острове три месяца. Книга «Остров Сахалин» была закончена в 1993.

Американский биограф Чехова Эрнст Симмонс высказал такую «голливудскую» догадку о сахалинском путешествии писателя: он уехал на другой край света из-за безнадежной любви к Лидии Авиловой, чтобы забыться. Вообще Чехову везет на поиски «лирической темы» в его биографии. В литературе о писателе единственной и роковой его любовью попеременно объявлялись то Лика Мизинова (много лет спустя в заграничной клинике о ней шептались: вот умирает чеховская «Чайка»), то Лидия Авилова, писательница, бравшая у Чехова первые литературные уроки и впоследствии опубликовавшая свои воспоминания и переписку с писателем. В 1939 семидесятипятилетняя Лидия Алексеевна, завершая работу над «мемуарным романом» (вышел под названием «Чехов в моей жизни»), написала на полях своей рукописи:

«Тяжело жить. Надоело жить... и я уже не живу... но все больше и больше люблю одиночество... и мечту. А мечта – это А.П. и в ней мы оба молоды, и мы вместе. В этой тетради я пыталась распутать очень запутанный моток шелка... любили ли мы оба? Он? Я?.. Я не могу распутать этого клубка».

И мы, пожалуй, не сможем.

Женился Чехов в 1901 на ведущей актрисе Московского художественного театра Ольге Леонардовне Книппер, найдя наконец свой тип – «устремленную женщину» (когда-то он советовал «разбросанной» Лике Мизиновой заняться делом и, между прочим, писал: «В сущности, я хорошо делаю, что слушаюсь здравого смысла, а не сердца, которое Вы укусили»). Однако женитьба трагически напоминала сюжет его рассказа «Цветы запоздалые». У Чехова открылись легочные кровотечения и жить ему оставалось совсем немного.

На последние шесть лет жизни писателя пришелся расцвет Чехова-драматурга. С 1896 по 1903 созданы новаторские по духу и стилю пьесы: «Дядя Ваня», «Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад». Драматургия Чехова стала необычайно популярной благодаря Московскому художественному театру (преьера «Чайки» в петербургском Александринском театре в 1896 провалилась) и завоевала театральные подмостки всего мира.

Влияние прозы Чехова на русскую и всемирную литературу в XX веке огромно. Он утвердил в прозе лаконичный жанр рассказа — «Умею говорить коротко о длинных вещах» — и отвоевал для него право считаться большой литературой.

К этому надо было приучить публику, привыкшую соотносить большого писателя непременно с романом. Известны слова Чехова:

«По-моему, написав рассказ, следует вычеркивать его начало и конец. Тут мы, беллетристы, больше всего врем... и короче, как можно короче надо говорить».

Друзья считали, что у него надо отнимать рукописи, иначе он оставит в своем рассказе только, что они были молоды, влюбились, а потом женились и были несчастны. Чехов отвечал: «Послушайте, но ведь так же оно в существе и есть». И действительно, все любовные фабулы его лучших произведений — «Попрыгунья», «Дом с мезонином», «О любви», «Дама с собачкой» и др. — как-то удручающе безнадежны. «Женишься по любви или не по любви – результат один». Кто это сказал? Кажется, Чехов.

«Предсмертные письма Чехова — вот что внушило мне на днях действительный ночной ужас. Это больше действует, чем уход Толстого», — писал А. Блок. Действительно, в обыденности и предначертанности этой смерти — Чехов как врач знал, что умирает, — есть что-то жуткое.

Летом 1904 Ольга Леонардовна увезла Чехова в Баденвейлер – маленький курорт на юге Германии. Перед отъездом его навещил писатель Н. Телешов.

«...То, что я увидал, – вспоминал он, – превосходило все мои ожидания, самые мрачные. На диване, обложенный подушками, не то в пальто, не то в халате с пледом на ногах, сидел тоненький, как будто маленький, человек с узкими плечами, с узким бескровным лицом — до того был худ, изнурен и неузнаваем Антон Павлович. Никогда не поверил бы, что возможно так измениться... “Завтра уезжаю. Прощайте. Еду умирать”».

В Баденвейлере Чеховым пришлось несколько раз переменить место — надрывный кашель русского больного мешал окружающим. До нас дошли слова пользовавшего его в Германии доктора:

«Он был перед смертью и до последней минуты стоически спокоен, как герой. Когда я подошел к нему, он спокойно встретил меня словами: “Скоро, доктор, умру”. Я велел принести новый баллон с кислородом. Чехов остановил меня: “Не надо уже больше. Прежде чем его принесут, я буду мертв”».

Чехов умер в три часа ночи с 1 на 2 (14–15) июля 1904. Вот как описала его последние минуты Ольга Леонардовна:

«В начале ночи он проснулся и первый раз в жизни сам попросил послать за доктором. Пришел доктор, велел дать шампанского. Антон Павлович сел и как-то значительно, громко сказал доктору по-немецки: “Ich sterbe...” (“Я умираю”). Потом взял бокал, повернул ко мне лицо, улыбнулся своей удивительной улыбкой, сказал: “Давно я не пил шампанского...”, покойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда...»

Ушел доктор, среди тишины и духоты ночи со страшным шумом выскочила пробка из недопитой бутылки шампанского...»

Антон Павлович Чехов погребен в Москве на кладбище Новодевичьего монастыря.